

Войцеховская Т.В.
**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕТОПИСНОГО ЖАНРА В РАННЕМОДЕРНУЮ ЭПОХУ
НА ТЕРРИТОРИИ ГЕТМАНЩИНЫ**

Летописный жанр был наиболее характерной формой историописания для восточнославянских земель в эпоху Средневековья. Такие историографические произведения содержали погодную запись исторических событий, минимум авторского вмешательства и литературной обработки текста. В течение XVI–XVII вв. происходит постепенное изменение формата историописания под влиянием рационализма и культурных доминант эпохи барокко. Яркими образцами подобных исторических произведений являются так называемые казацкие «летописи» Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко, написанные социальной элитой Гетманщины – казацкой старшиной в конце XVII – начале XVIII в. Их основной темой было описание событий войны Б. Хмельницкого, украшенное героическим эпосом, мифологизацией отдельных исторических сюжетов и легитимацией древних казацких прав и вольностей.

В центре моего внимания – анализ изменений формы и стилистики летописного жанра на материале «летописей» Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко.

В исторической науке уже в XIX – начале XX в. утвердилось мнение, что исторические произведения, написанные казацкой старшиной некорректно называть летописями. Г. Карпов считал, что в данных трудах мало достоверных свидетельств и фактов, но есть материал для исследования общественного мнения: «если летопись Величко и принимать за исторический источник ... то только для решения вопроса как понимал и описал эпоху Б. Хмельницкого Величко...» [7, с. 258]. В. С. Иконников, исследуя исторические труды военных канцеляристов Гетманщины утверждал, что «позднейшие малороссийские летописи (XVIII в.) относятся к последним скорее по названию; все же они носят на себе характер истории, так как и группировка событий, и особенно освещение фактов не чужды искусственности, субъективности и даже фантазии» [5, с. 1560–1561].

В. Антонович использовал для своих трудов свидетельства из произведений Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко, однако, считал, что «в казацких летописях не надо видеть старинных летописей; это только одно название; в действительности же это – просто мемуары или попытки прагматической истории, которые сохраняют летописную форму... Это – попытка истории; однако, не будучи в состоянии справиться с материалом и привести его к внутренним связям, авторы распределяют его по годам» (здесь и далее перевод мой) [1, с. 43]. Огромное значение для изучения группы текстов казацких канцеляристов имеют работы М. Грушевского [3], которому удалось преодолеть предвзятость к историографии XVIII в. и окончательно утвердить концепцию казацких летописей как литературных трудов, а не сугубо исторических источников. Современная историческая наука характеризует «летописи» казацкой старшины как сложные многоплановые историко-литературные конструкции. По мнению А. Бовгири, социальная элита Гетманщины является создателями абсолютно нового вида исторических трудов, ведь характерными особенностями таких произведений является игнорирование времен Киевской Руси и описание происхождения казаков от полумифических хазарских и сарматских правителей [2, с. 7–8].

Летописи Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко были написаны в эпоху барокко, которая сильно повлияла на формат и стилевые особенности историописания. В большинстве славянских стран эпоха барокко фактически заменила собою Ренессанс, и именно это время является своеобразным социокультурным рубежом между Средневековьем и Новым временем. Характерными особенностями украинского литературного барокко Д. Чижевский считал – преобладание духовных элементов над светскими в содержании произведения, знакомство с античным наследием, отсутствие антиклерикальной направленности, динамичность, страсть к смелым комбинациям и авантюризму, склонность к метафорическому осмыслению действительности, широкое применение контрастов и антитезы, эмоциональность изложения [9, с. 252].

Одним из многочисленных интеллектуальных влияний эпохи барокко стало изменение формата историописания. Казацкие «летописи» отличаются от предыдущих исторических трудов, поскольку события описываются не погодно, а отдельными рассказами, историями, сказаниями. Летописи Грабянки и Величко содержат рассказы о происхождении казаков и древнейшие

страницы отечественной истории, которая обязательно вплетена в контекст всемирной истории. Эпоха барокко определила новую дидактическую цель работы историка. Г. Грабянка отмечал, что причиной его работы является передача потомкам славных деяний: «я не ради какой-то любово-страстной славы, а движимый общей пользой и ради нее решил не оставлять в пепле молчания скрытыми действия верного нашего сына благоразумного вождя Богдана Хмельницкого» [4, с. 877]. С. Величко побуждала к работе «лень древних славяно-казацких писателей», которые описывали события «краткословными и короткими реестриками» [4, с. 214]. Только летопись Самовидца начинается с описания «о начале войны Хмельницкого» [8, с. 45].

Украинская историография эпохи барокко характеризуется рядом особенностей – общественно-биографическое направление, использование авторами кроме летописных записей предшественников, еще и собственных наблюдений и свидетельств очевидцев, официальных документов, введение в текст стихов и панегириков. И. Исиченко утверждает, что «автор произведения эпохи барокко непременно проявляет себя как ученый человек... В произведение входит огромное количество научных, исторических фактов, религиозных и библиографических сведений, имен и географических названий. Формируется устойчивый эскорт произведения, его составляют предисловие, комментарии, примечания, указатели» [6]. В «летописях» Самовидца, Грабянки и Величко мы видим большое количество писем, грамот, написанных якобы гетманами, стихов, а также, авторскую оценку тех или иных исторических событий, что было довольно редким явлением для предыдущих летописей.

Распространенными приемами казацких летописцев является фатализм, введение в текст легенд и полумифических сюжетов, фантастических рассказов, а также постоянные реминисценции и аллюзии на библейскую и античную тематику. Наиболее распространенной аллюзией является сравнение страданий украинского народа в составе Речи Посполитой с египетским пленом иудеев. Например, Г. Грабянка пишет: «знаете и довольно хорошо знаете, сколько мучений, издевательств, осквернений каждый день сносила веками оплаканная наша отчизна, а самое обидное для нас то, как ужасно терпела наша мать церковь православная... пока бог своей милостью, как когда-то Израилю в Египте не подал свою благодатную руку помощи» [4, с. 920]. С. Величко также указывает «...так угнетали когда-то израильский народ египтяне. Бог послал им, как Моисея, человека по имени Богдан Хмельницкий...» [4, с. 223]. Нередки сравнения тех или иных деятелей с персонажами библейской истории, например Е. Чаплинская характеризуется как «здравомыслящая невинных людей милосердница Эсфирь» [4, с. 226]. В летописи Самовидца меньше различных художественных средств и литературных приемов, однако он часто добавляет в текст легенды и описывает «вмешательства» божьей воли в ход событий «а Хмельницкий... оное войско розгромил з допущения боязкого» [8, с. 50]. Примером фатализма является описание событий 1240 года «...Батый, допущенный божьей мудростью, пришел на Русь, подчинил ее и храмы божьи и величие их поверг в прах и сравнял с землей» [4, с. 882].

Тип исторического творчества эпохи барокко качественно отличает от предыдущих практик историописания эмоциональность изложения. Самовидец эмоционально описывает «от ляхов на Православие гонение и казаком отягощение» [8, с. 45], что и стало причиной начала войны под предводительством Богдана Хмельницкого. В «Действиях презельной брани» Грабянки эмоциональное описание гетманства И. Брюховецкого напоминает апокалиптические события: «В те дни не один богатый человек оставил свой дом, заменил приличную одежду на ветошь и страха ради бедный прятался, где мог, а все остальные жители, по городам и селам пребывая между смертью и жизнью и ослабевшие томительным ожиданием, каждый думал, к чему приведет эта ненасытная жажда крови и когда этой беде наступит конец» [4, с. 929].

Стилистические конструкции исторических произведений казацкой старшины содержат большое количество тропов и риторических фигур – многочисленные метафоры, бесчисленное количество эпитетов, аллегорий, антитез, гипербол, многие исторические фигуры имеют символично-аллегорическое значение.

Одним из самых распространенных художественных средств казацких «летописей» являются эпитеты. Постоянно применяемыми эпитетами при описании различных исторических деятелей являются: «великий», «сильный», «ясный», «милостивый», «мудрый», «храбрый», «коварный», «злостратый», «ужасный», «ласковый», «милосердный», «неистовый», «бездушный».

Важным тропом является сравнение «а же нестатечная приязнь вовку з бараном, так христянинови з бесурманином» [8, с. 60]. Г. Грабянка устами Б. Хмельницкого иронично характеризует польское войско: «...скорее зайцами стали, обезьян похожи, только и умеете, что говорить и убежать» [4, с. 895]. Ярким примером гиперболы является описание количества войска: «столько воинства соберется, что как трава станет» [4, с. 883], «...под Глуховом тьму-тьмущую, более ста тысяч поляков» [4, с. 472].

В метафорических категориях казацкие историки осмысливали Брестскую унию как «ново-явленную химеру», а народ православный как единственный выразитель «благочестия». Постоянными метафорическими символами являются Лавра и София – как образы православной веры, а резиденция гетмана выступала олицетворенным образом «отчизны» и «земли нашей».

Подводя итог, следует отметить, что эпоха барокко сформировала новую практику написания исторических произведений, которая существенно отличалась от предыдущих образцов. Новый контекст определял рационалистическое направление и невиданную до сих пор художественную образность историографии XVIII в. и казацких летописей Самовидца, Грабянки и Величко в частности. Изменение формата и появление причинно-следственных связей являются свидетельствами нового, более научного подхода к созданию исторических трудов в XVII–XVIII вв.

1. Антонович, В. Лекції з джерелознавства / В. Антонович ; ред. М. Ковальський. – К. : Нац. ун-т «Острозька академія», 2003. – 382 с.
2. Бовгиря, А. Рукописні історичні збірники в Гетьманщині XVIII ст. / А. Бовгиря // Історіографічні дослідження в Україні. – 2010. – Вип. 20. – С. 180–198.
3. Грушевский, М. С. Об украинской историографии XVIII в. Несколько соображений / М. С. Грушевский // Известия АН СССР. – VII серия. Отделение общественных наук. – 1934. – № 3. – С. 215–223.
4. Збірник козацьких літописів: Густинський, Самійла Величка, Грабянки / упорядн. та перекл.: Густинський літопис В. Крекотень, Літопис Самійла Величка В. Шевчук, Літопис Грабянки Р. Іванченко. – К. : Дніпро, 2006. – 976 с.
5. Иконников, В. Опыт русской историографии / В. Иконников. – К. : Тип. ун-та св. Владимира, 1908. – Т. II. – Кн. 2. – 1955 с.
6. Ісіченко, І. Історико-культурні параметри епохи бароко [Електронний ресурс] / І. Ісіченко // Історія української літератури Х–XVIII ст. – Режим доступу: <http://www.bishop.kharkov.ua/kursi-lekcij/istoria-ukraïnskoïe-literaturi-h-xviii-st/lekcia-08-istoriko-kulturni-parametri-epohi-barok/>. – Дата доступу: 04.02.2019.
7. Карпов, Г. Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого / Г. Карпов. – М.: Тип. Грачева, 1873. – 265 с.
8. Літопис Самовидця / ред. кол.: А. Д. Скаба (відп. ред.), І. О. Гуржій, В. А. Дядиченко. – К. : Вид-во «Наукова думка», 1971. – 175 с.
9. Чижевський, Д. Історія української літератури (від початків до доби реалізму) / Д. Чижевський. – Нью-Йорк: Укр. Вільна академія наук у США, 1956. – 511 с.

Солодкин Я.Г.

ЛЕТОПИСНЫЕ ВЕРСИИ ОСНОВАНИЯ «РУССКОЙ» ТЮМЕНИ (ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ)¹

О строительстве Тюменского острога вскоре после гибели Ермака и закладки Обского (Мансуровского) городка сказано во многих летописных сочинениях XVII в., соответствующие показания которых не во всем одинаковы.

В Основной редакции Есиповской летописи (далее – ОЕЛ) и ее нескольких вторичных разновидностях, в Книге записной (далее – КЗ) и следующей по времени возникновения редакции Сибирского летописного свода (далее – СЛС) – Миллеровской – сооружение русской крепости на месте «града» Чингий (Чингиден, Чингидин), существовавшего со времен Тайбуги и разрушенного при Мамете, приурочено к 7093 (1584/85) г. [11, с. 35, 40, 65, 115, 126, 138, 186, 189, примеч. 34; с. 252, 312, 365, ср. с. 65, примеч. 28]. (С точки зрения А.Т. Шашкова, судя по контексту самой популярной сибирской летописи, речь идет о 1585 г. [23, с. 119, 120, 145]).

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ и Департамента образования и молодежной политики ХМАО – Югры, № 18 – 49 – 86002